

УДК 930:355/359.07

*Авилов Р.С.
Avilov R.S.*

Формирование и обучение запаса армии в Приамурском военном округе накануне Первой мировой войны

**The organization and the training of the army reserve manpower pool
in Priamurskiy Military District before the World War I**

В статье анализируется формирование и обучение запаса армии в Приамурском военном округе накануне Первой мировой войны. Накопление обученного запаса стало одной из важнейших задач, вставших перед великими державами после наступления эпохи массовых армий. В России этот процесс начался в 1874 г., но резко активизировался в период между Русско-японской 1904–1905 гг. и Первой мировой 1914–1918 гг. войнами. Проведённое исследование показало, что в Приамурском военном округе обучение запасных было начато только после распространения на население округа воинской повинности в 1909 г. и наиболее активно велось в 1910–1913 гг.

Ключевые слова: *Приамурский военный округ, Дальний Восток России, русская армия, военные реформы, запас армии, Первая мировая война*

The article concerns the process of organization and training of army reserve manpower pool in Priamurskiy Military District before the World War I. After the era of mass-armies had become, the accumulation of the army reserve became one of the most important task for the Great Powers. In Russia, this process began in 1874, but the most active period took place between Russo-Japanese War (1904–1905) and World War I (1914–1918). The study had shown that the training of army reserve manpower pool began in Priamurskiy Military District only after 1909, when the liability for military service was expanded on the population of the district, and this training was the most active in 1910–1913.

Key words: *Priamurskiy Military District, Russian Far East, Russian Army, military reforms, army reserve manpower pool, World War I*

Одной из важнейших задач, вставших перед государствами после наступления эпохи массовых армий, стало формирование запаса армий. Именно наличие в стране большого количества военно-обученного мужского населения позволяло в случае начала войны не только развернуть армию по штатам военного времени (включая формирование запасных частей и соединений), но и своевременно восполнять вполне готовыми к несению воинской службы людьми убыль личного состава, возникающую вследствие боевых и небоевых потерь. «При образовании запаса армии современные государства стремятся к тому, чтобы при мобилизации действительная армия, как по своему составу, так и по своей численно-

сти, была вполне способной к разрешению в интересах государства той активной борьбы, к которой государство готовится иногда целые десятилетия. Этому стремлению удовлетворяют, с одной стороны, сокращение сроков действительной службы, а с другой – образование запаса, состоящего из людей, не отставших в военном деле и физически вполне способных к перенесению тягостей войны», – указывалось в одном из томов военной энциклопедии, опубликованном в 1912 г. [2, с. 464].

Оба вышеуказанных процесса проходили в армиях всех великих держав в конце XIX – начале XX в., в том числе и в русской. Специфика огромной по территории Российской империи состояла в том, что формировать обученный запас армии здесь было несколько сложнее, чем в достаточно компактных европейских странах или Японии. Причины: несопоставимо различная плотность населения в разных районах империи, большое количество инородческого (т.е. аборигенного) населения, слабое развитие транспортной инфраструктуры при огромных расстояниях. В этом отношении достаточно показательна ситуация с формированием обученного запаса нижних чинов в Приамурском военном округе, т.е. на территории российского Дальнего Востока, до сих пор совершенно не изученная [1; 10; 11; 12; 13; 14; 19].

Изначально, при введении всеобщей воинской повинности уставом 1 января 1874 г.¹, население Приморской и Амурской областей, наряду с некоторыми другими отдалёнными местностями империи, было освобождено от отбывания воинской повинности (ст. 1, п. 2 Указа Правительствующему Сенату от 1 января 1874 г.) [15, т. 49, № 52982, 52983]. В то время принятие подобной меры было вызвано крайне низкой численностью населения этих областей, небольшим количеством войск, которые не было необходимости разворачивать в военное время, а также, отчасти, превалированием интересов хозяйственного освоения региона над оборонительными задачами. Однако, после Русско-японской войны 1904–1905 гг. и кардинального увеличения группировки русских войск в Приамурском военном округе, сохранение подобной системы стало невозможным.

Вопрос этот был поднят при пересмотре Устава о воинской повинности, когда одной из важнейших задач признали «распространение воинской повинности на те группы населения, которые до сего времени были от неё освобождены» [16, т. 29, № 31622; 6, прил. 2 (Отчёт по ГУГШ), с. 33]. К концу 1908 г. уже разработали законопроекты о введении в Приморской и Амурской областях воинской повинности и о привлечении населения в возрасте 21–31 года к отбыванию учебных сборов «с целью обучения владеть оружием». Причём эти вопросы прорабатывались в рамках целого комплекса мер, направленных на улучшение системы комплектования и порядка отбывания воинской повинности в империи: реорганизации Государственного ополчения, изменения законодательства о призыве запасных и т.д. [5, с. 8].

18 марта 1909 г. Николай II утвердил одобренный Государственным Советом и Государственной Думой закон «О привлечении населения Приморской и Амурской областей к отбыванию воинской повинности» [16, т. 29, № 31622; 6, прил. 2 (Отчёт по ГУГШ), с. 33]. По нему к отбыванию воинской повинности на общем основании привлекалось всё «русское население и состоящие в русском подданстве корейцы Приморской и Амурской областей», за исключением населения Охотского, Гижинского, Анадырского и Петропавловского уездов Приморской области и Командорских островов [16, т. 29, № 31622]. Последнее было вполне оправданно, поскольку, во-первых, на отдалённых северных территориях плотность населения была крайне низкой, во-вторых, практически

¹ Все даты приведены по юлианскому календарю, т.е. по старому стилю.

не было как войск, так и военной и транспортной инфраструктуры. Это сделало бы даже попытку призыва молодых людей с этих территорий и отправку их к местам прохождения службы весьма затруднительной, а в некоторых случаях и вовсе невозможной. Для подлежащих призыву переселенцев Приморской и Амурской областей, в отношении отбывания воинской повинности, были сохранены льготы, предусмотренные в статье 602 Устава о воинской повинности, причём указанные в ней отсрочки считались со времени достижения переселенцами призывного возраста, а не с момента прибытия их на Дальний Восток [16, т. 29, № 31622].

Следующим шагом, направленным на подготовку в округе запасных на случай развёртывания частей при мобилизации, стал одобренный Государственным Советом и Государственной Думой и утверждённый 25 декабря 1909 г. Николаем II закон «О привлечении населения Приморской и Амурской областей в сборы для воинского обучения в 1910–1912 гг.»¹ [16, т. 29, № 32847] (ПВВ № 358 от 18 июля 1910 г.). Им было введено, на срок по 1 января 1913 г., «Временное Положение о сборах для воинского обучения населения Приморской и Амурской областей», включавшее в себя правила призыва населения этих областей на сборы. Этим были «привлечены в сборы, для воинского обучения в период 1910–1912 гг., 10 возрастов населения тех же областей, т.е. лица, родившиеся с 1878 г. по 1887 г. и, следовательно, перешедшие призывной возраст» [6, прил. 2 (Отчёт по ГУГШ), с. 33; 5, с. 14], за исключением казаков, но включая состоящих в русском подданстве корейцев. Срок сборов определялся в 6 недель. Места и время проведения сборов должен был, «сообразуясь с местными условиями быта населения и временем занятий последнего полевыми работами», определить Командующий войсками Приамурского военного округа и Приамурский генерал-губернатор как человек, объединявший в то время в своих руках власть по линии обоих ведомств, ответственных за подготовку и проведение сборов: военного и внутренних дел. В случае надобности он мог отменять назначенные уже сборы, определяя для их производства иное время, а при необходимости и другие места. Призыв на сборы проводился при соблюдении всех предусмотренных существующим законодательством освобождений. Например, призыву не подлежали «переселенцы, со времени действительного водворения коих на их участках не истечёт к назначенному для явки сроку шести лет», «лица, произведённые в офицерские и классные чины военного и военно-морского ведомств, а также числящиеся в запасе армии и флота офицерские, классные и нижние чины» и «лица, получившие удостоверения об освобождении их от воинской повинности» [16, т. 29, № 32847] (ПВВ № 358 от 18 июля 1910 г.).

«Наставления по призыву и освидетельствованию призванных в учебный сбор лиц, а равно по учёту и призыву ратников ополчения в военное время в войска и на сформирование ополченских частей, составляются Приамурским Генерал-Губернатором и утверждаются Военным Министром, по соглашению с Министром Внутренних Дел и Главноуправляющим Землеустройством и Земледелием. Инструкция по обучению призванных в учебный сбор лиц составляется Командующим Войсками Приамурского военного округа и утверждается Военным Министром» [16, т. 29, № 32847] (ПВВ № 358 от 18 июля 1910 г.). Все лица, явившиеся на сборный пункт и прошедшие медицинское освидетельствование, приводились к присяге, проходили учебный сбор, после

¹ Соответствующий ПВВ № 358 был отдан 18 июля 1910 г. и в этот же день – приказ № 359, регламентировавший «денежные и вещевые отпуска от казны на производство сборов», т.е. организационно-хозяйственные вопросы (ПВВ № № 358 и 359 от 18 июля 1910 г.).

чего зачислялись в ратники 1-го разряда Государственного ополчения [16, т. 29, № 32847] (ПВВ № 358 от 18 июля 1910 г.).

Проведение сборов имело принципиальное значение для боеготовности армии и её мобилизационных возможностей в военное время, поскольку этим же положением определялось, что призыв «ратников ополчения в военное время производится вместе с призывом запасных нижних чинов для мобилизации войск и на одинаковых для сего основаниях. При этом упомянутые ратники назначаются как для пополнения воинских частей, так и для образования пеших дружин Государственного ополчения» [16, т. 29, № 32847] (ПВВ № 358 от 18 июля 1910 г.). Таким образом, участники сборов вполне могли попасть в будущем (и многие попали) в регулярные армейские части, ушедшие на поля Первой мировой войны.

Механизм обучения запасных был предусмотрен ещё Уставом о воинской повинности 1874 г., в котором указывалось, что «во время состояния в запасе чины оно могут быть призываемы Военным или Морским Министерством, по принадлежности, в учебные сборы, но не более двух раз в течение всего срока нахождения в запасе, и каждый раз не более, как на шесть недель» (Гл. 2, ст. 17) [15, т. 49, № 52983]¹. Необходимость систематического проведения сборов стала очевидной во время Русско-японской войны 1904–1905 гг., показавшей явно недостаточный уровень боевой подготовки контингента, призываемого из запаса при мобилизации, особенно мужчин старших призывных возрастов. При быстром военно-техническом прогрессе конца XIX – начала XX в., часто оказывалось, что многие из таких призывников проходили действительную службу с другими, более старыми образцами вооружения, не имея ни малейшего представления о тех технических средствах, с которыми им предстояло иметь дело на войне. В войска попадали люди отставшие в военном деле и физически мало- или совершенно неспособные «к перенесению тягостей войны». Это касалось практически всех родов войск: призванные из запаса в пехоту не знали современного стрелкового оружия, в артиллерию – орудий и т.д.

Более того, подобной мерой в Военном министерстве пытались хотя бы отчасти решить застарелую проблему подготовки обученного мобилизационного резерва нижних чинов. Дело в том, что хотя существовавшая в то время в России система воинской повинности и называлась «всеобщей», однако на практике количество потенциальных новобранцев существенно превышало возможности армии по их принятию в свои ряды. Это породило ещё в 70-е гг. XIX в., при введении всесловной воинской повинности, так называемую систему жребия, т.е. отбора «на удачу» новобранцев для прохождения действительной службы. Это было официально прописано в Уставе о воинской повинности: «Поступление на службу по призывам решается жеребьем, который вынимается единожды на всю жизнь. Лица по номеру вытянутого ими жеребья не подлежащие поступлению в постоянные войска, зачисляются в ополчение» (гл. 1, ст. 10) [15, т. 49, № 52983]. При такой системе, благополучно существовавшей до начала Первой мировой войны, значительная часть мужского населения империи по-прежнему оставалась совершенно неохваченной системой военного обучения (ежегодно призывалось около 450 тыс. новобранцев, что составляло примерно треть от общего числа

¹ Норма эта применялась нерегулярно и не на всей территории империи, а там, где сборы всё-таки проводились, они зачастую рассматривались как простая формальность и не давали заметных результатов. Описывая деятельность этой системы за весь период её существования, Н.Н. Головин отмечал, что из стремления к экономии продолжительность учебных сборов была на деле сокращена: «Так, лица, состоявшие на действительной службе не более трёх лет, призывались только раз и на две недели, а лица, прослужившие менее трёх лет – два раза, но каждый раз лишь на три недели» [10, с. 19].

юношей достигших призывного возраста [13, с. 6]), и не имела ни малейшей военной подготовки.

Однако деньги на такой способ обучения и поддержания уровня боевой подготовки мужского населения государства, как сборы запасных и ратников ополчения, столь необходимый в эпоху массовых армий, появились в казне только к 1909 г. Ничего подобного в стране, тем более в общеимперском масштабе, ранее не проводилось¹. Поэтому потребовалась разработка всего комплекса нормативно-правовой базы вводимого обучения (разного рода инструкции, правила, расписания и т.п.), дабы в максимальной степени унифицировать его на всей территории России, минимизировав этим влияние на процесс обучения традиций разных военных округов и взглядов их командующих. Разработка нового положения об учебных сборах была возложена Военным министром на комитет по образованию войск ещё в конце 1906 г., когда Главный штаб и передал туда «для пересмотра все существующие законоположения по учебным сборам как нижних чинов, так и ратников ополчения [5, прил. 1 (Отчёт по Главному штабу за 1908 г.), с. 18]. Однако дело было новым, поэтому решить проблему одновременно не удалось. В результате, нормативно-правовая база обучения запасных и ратников Государственного ополчения практически непрерывно дополнялась и совершенствовалась в течение всего оставшегося до Первой мировой войны времени (1909 – весна 1914 гг.).

В 1910 г. учебные сборы в Приамурском военном округе проводились 2 раза. Первые – в июне, в связи с чем ещё 18 мая был отдан приказ о создании специальных комиссий для медицинского освидетельствования призываемых (ГАХК. НСБ. Приказ войскам Приамурского военного округа № 199 от 18 мая 1910 г. Ед. хр. 1331. Л. 141). Комиссии создавались в каждом сборном пункте². Состояли они из 5 человек, в числе которых обязательно был офицер одной из дислоцировавшихся в соответствующем населённом пункте воинских частей, 2 врача или лекаря и 2 чиновника гражданской администрации (ГАХК. НСБ. Состав приёмных комиссий для освидетельствования лиц, подлежащих призыву в учебный сбор в июне месяце текущего года. Прил. к Приказу войскам Приамурского военного округа № 199 от 18 мая 1910 г. Ед. хр. 1331. Л. 141–143 об.). Вторые сборы проходили в сентябре, а приказ о создании медицинских комиссий был отдан 10 сентября, т.е. незадолго до их начала (ГАХК. НСБ. Приказ войскам Приамурского военного округа № 409 от 10 сентября 1910 г. Ед. хр. 1331. Л. 252). Комиссии создавались в тех же пунктах, комплектовались по тому же принципу, но их состав на этот раз был несколько иным. На сентябрьские сборы предполагалось призвать 1510 чел.³ (ГАХК. НСБ. Состав приёмных комиссий для освидетельствования лиц, подлежащих призыву в учебный сбор в сентябре месяце т.к. года. Прил. к Приказу войскам Приамурского военного округа № 409

¹ В 1907 и 1908 гг. учебные сборы прапорщиков и нижних чинов запаса 1-го разряда по образованию не проводили из-за невозможности нормально организовать занятия из-за усиленной гарнизонной службы войск – вследствие Первой русской революции 1905–1907 гг. [5, прил. 1 (Отчёт по Главному штабу за 1908 г.), с. 18].

² В Амурской области: Благовещенском (предполагаемое число призываемых – 716), Александровском (231), Михайловском (180); в Приморской области: Владивостокском (493), Никольск-Уссурийском (1016), Спасском (698), Иманском (102), Хабаровском (254) и Николаевском (75). Всего на июньские сборы в округе предполагалось призвать 3765 чел.

³ Для Благовещенского сборного пункта – 501 чел, Александровского – 234, Михайловского – 112, Хабаровского – 81, Никольск-Уссурийского – 259, Николаевского – 18, Владивостокского – 153, Иманского – 95 и Спасского – 60.

от 10 сентября 1910 г. Ед. хр. 1331. Л. 252–254 об.). Всего же в 1910 г. через учебные сборы в округе должны были пройти 5275 чел.

Итак, в 1910 г. в округе в сборы было привлечено население трёх возрастов: двух – летом и одного – осенью [7, прил. 1 (Отчёт по ГУГШ за 1910 г.), с. 8–9]. На остальной территории империи в этом году «вследствие реорганизации армии и по недостатку денежных средств» учебные сборы прапорщикам запаса, нижним чинам 1-го разряда по образованию, нижним чинам запаса и ратникам ополчения 1-го разряда не проводились [7, прил. 1 (Отчёт по ГУГШ за 1910 г.), с. 8–9].

В ходе подготовки сборов снова всплыла проблема КВЖД и её полосу отчуждения, где проживало большое количество уроженцев Амурской и Приморской областей, и было совершенно непонятно, должны ли они подпадать под действие «Временного положения о сборах для воинского обучения населения Приморской и Амурской областей». Пришлось направить запрос в Петербург, в ответ на который ГУГШ пояснило (отзывом № 6838 от 14 июля 1910 г.), что действие правил «распространяется лишь на уроженцев этих областей, временно проживающих в полосе отчуждения Китайской железной дороги. До уроженцев названных областей, постоянно проживающих в полосе отчуждения, Временное положение не относится» (Приказание войскам Приамурского военного округа № 112 от 9 августа 1910 г.).

Начало в 1909 г. подготовки массового проведения сборов запасных по всей империи выявило множество вопиющих недочётов системы их учёта, о чём ГУГШ сообщило в Приамурский военный округ 29 апреля 1910 г., указав, что «из поступивших в названное управление донесений оказалось, что во многих пунктах поверочного сбора запасных нижних чинов в минувшем году обнаружено значительное число запасных, которые нигде не значатся на учёте, причём некоторые из них не имели увольнительных билетов», т.е. определённая часть запаса армии оказалась за пределами государственной системы учёта запасных, что при всеобщей мобилизации было чревато серьёзными проблемами. «Главной причиной такого явления можно объяснить тем, – констатировалось в отзыве, – что некоторые части войск, управления, учреждения и заведения, увольняя нижних чинов в запас, не знакомят людей с главнейшими обязанностями запасных... Вследствие этого запасные, отправляясь на места жительства, минуя воинских начальников, не являются в учётные учреждения гражданского ведомства и посему не могут своевременно быть приняты ими на учёт. Кроме того выяснилось, что многие войсковые части высылают воинским Начальникам слишком поздно письменные сведения на нижних чинов, увольняемых в запас¹, благодаря чему воинские начальники лишены возможности своевременно выслать в учётные учреждения увольнительные билеты, для выдачи таковых по принадлежности. Во избежание на будущее время подобных недоразумений, ГУГШ просит подтвердить к неуклонному исполнению, чтобы начальники частей войск, управлений, учреждений и заведений, увольняя людей в запас, строго руководствовались бы правилами об увольнении нижних чинов в запас, приложенными к новому руководству по учёту запасных и ратников» (Приказание войскам Приамурского военного округа № 68 от 16 мая 1910 г.) Само «Руководство по учёту нижних чинов запаса армии и флота и ратников, перечисленных из запаса», вместе с инструкцией для введения его в действие, было обнародовано ещё 16 ноября 1907 г. Тогда же были введены в действие «Правила особого учёта нижних чинов запаса армии и флота», «Положение об увольнении нижних чинов в запас армии и флота», «Таблицы для определения сроков состояния нижних чинов на действительной службе

¹ По положению должны высылаться за 14 дней до увольнения в запас.

в запасе 1-го и 2-го разряда», «Инструкция о порядке производства в уездах поверочных сборов нижних чинов запаса армии и флота» и «Порядок представления отчётности о нижних чинах запаса армии и флота и ратниках Государственного ополчения 1-го разряда, перечисленных из войск», заменившие собой разные руководства, положения, правила и другие нормативно-правовые документы, издававшиеся с 1876 по 1907 гг.

Ведение учёта по новым правилам было назначено: для нижних чинов запаса – с 1 марта 1908 г., для ратников, перечисленных из запаса – с 1 апреля 1908 г. (**ПВВ № 625 от 16 ноября 1907 г.**). Однако, несмотря на почти полугодовой период, специально предусмотренный между моментом обнародования новых документов и временем введения их в действие, переход на новые правила без сбоев не обошёлся. В этом отношении Приамурский военный округ находился в более выгодном положении, поскольку здесь соответствующую систему делопроизводства приходилось не переналаживать, а создавать заново, что в российских условиях было проще. Однако тут возникла другая проблема. Во-первых, весной 1909 г. во Владивостоке и Благовещенске пришлось создать областные по воинской повинности присутствия, которых раньше просто не существовало (**Приказ войскам Приамурского военного округа № 140 от 7 апреля 1909 г.**). Во-вторых, если до этого у воинских начальников в Приамурском военном округе было значительно меньше работы, чем у их коллег на остальной территории империи, то с введением в округе в 1909 г. воинской повинности, от них уже требовался тот же уровень подготовки, что и от «назначаемых на эти должности в остальных местностях Империи». Следовательно, нужно было проверить соответствуют ли лица, занимающие указанные должности, новым служебным требованиям; если да, то соблюсти в отношении них ряд установленных законом формальностей, если нет – заменить на новых. Этим тоже пришлось начать заниматься в 1910 г. (**Приказание войскам Приамурского военного округа № 65 от 12 мая 1910 г.**).

В 1911 г. в округе, на основании распоряжения Главного Штаба, собиравшись провести учебные сборы прапорщиков запаса и нижних чинов 1-го разряда по образованию, в связи с чем 24 мая 1910 г. Командующий войсками округа инженер-генерал П.Ф. Унтербергер приказал безотлагательно представить в Окружной штаб списки подлежащих призыву. Первому сбору подлежали все не отбывшие сборов (за исключением прапорщиков запаса, освобождённых пунктом 4 прил. к ст. 802 кн. VII СВП 1869 г. и Приказом по военному ведомству № 479, от 7 сентября 1907 г.¹). Второму – прапорщики запаса (за теми же исключениями) и нижние чины, зачисленные в запас до 1904 г. включительно (**Приказание войскам Приамурского военного округа № 72 от 24 мая 1910 г.**).

¹ «2. Освободить от призыва в учебные сборы в течение всего срока состояния в запасе прапорщиков запаса: а) явившихся в минувшую войну с Японией, по призыву, на действительную службу в части войск как находившиеся в действовавших армиях, так и состоявшие на мирном положении, а равно развёрнутые и мобилизованные, но не вошедшие в состав действовавших армий; б) призванных во время минувшей войны на укомплектование штабов, управлений, заведений и учреждений военного ведомства; в) произведённых в этот чин за боевые отличия, без экзамена, в минувшую войну; г) произведённых, по выдержании экзамена, во время нахождения на действительной службе в период минувшей войны и прослуживших при этом в чине прапорщика не менее четырёх месяцев до перечисления в запас. 3. Освободить от призыва в первый учебный сбор прапорщиков запаса, произведённых по экзамену во время состояния на действительной службе в течение минувшей войны и прослуживших в этом чине не менее двух, но не более четырёх месяцев, и совершенно освободить от призыва в учебный сбор тех из них, которые уже отбыли учебный сбор в нижнем звании. 4. Применить вышеприведённые правила ко всем тем вообще прапорщикам запаса, которые хотя бы поступили в войска и после окончания войны, но прослужили в них указанные сроки в два и четыре месяца» (ПВВ № 479 от 7 сентября 1907 г.).

В целом, в этом году в сборы было призвано население Приморской и Амурской областей 4-х возрастов: два – весной и два – осенью. Продолжительность сборов 6 недель [8, прил. 1 (Отчёт ГУГШ за 1911 г.), с. 17]. На остальной территории империи часть прапорщиков запаса, а также вольноопределяющихся, охотников и жеребьёвых 1-го разряда по образованию, привлекалась в учебные сборы на 6 недель. Нижние чины запаса пехоты, артиллерии и инженерных войск, сроков службы 1904 и 1906 гг., а также зачисленные в 1910 г. при призыве в ратники Государственного ополчения, были призваны на 4 недели¹ [8, с. 16].

Введённая в Приамурском военном округе система сборов для обучения запасных зарекомендовала себя достаточно неплохо, и впоследствии они повторялись. Так, уже в 1912 г., 28 февраля, Николай II утвердил повеление «о призыве в учебные сборы в губерниях и областях Европейской и Азиатской России нижних чинов запаса пехоты, полевой пешей и крепостной артиллерии и инженерных войск». Мера эта носила общероссийский характер и ясно показала, что власти всерьёз (хотя и слишком поздно) обратили внимание на проблему подготовки запасных. На этот раз предполагалось призвать на учебные сборы в текущем году в Европейской и Азиатской частях империи «нижних чинов запаса пехоты, полевой пешей и крепостной артиллерии и инженерных войск сроков службы 1905 и 1907 гг., за исключением Казанского военного округа, где призвать запасных перечисленных категорий только срока службы 1905 г.». В большинстве военных округов учебные сборы, продолжительностью в 4 недели, собирались провести осенью, по окончании летних занятий войск. Определение времени начала учебных сборов запасных, в зависимости от расписания летних занятий войск, было оставлено на усмотрение Командующих войсками в округах. «Установление времени производства учебных сборов в Приамурском военном округе представляется всецело Командующему войсками округа» [16, т. 32, № 36650].

Учебные сборы нижних чинов запаса инженерных войск следовало провести «при полевых сапёрных батальонах, понтонных батальонах и роте, искровых ротах и воздухоплавательных батальонах и ротах», а «распределение всех категорий запаса по частям инженерных войск должно быть сделано соответственно специальностям, насколько то окажется возможным, в зависимости от числа призываемых в округе нижних чинов запаса инженерных войск и наличия в нём соответствующих войсковых частей» [16, т. 32, № 36650]. И если с распределением рекрутов и запасных в инженерные части «соответственно специальности» в Приамурском военном округе были постоянные проблемы, то с инженерными войсками проблем не было, так как в округе дислоцировались и полевые, и крепостные инженерные части. Проведение сборов чётко регламентировалось специальными правилами и инструкцией [16, т. 32, № 36650].

В этом же 1912 г. в округе проводили занятия и с ратниками Государственного ополчения. 30 мая 1912 г. такие занятия при 24-м Сибирском стрелковом полке (входил в состав 2-й бригады 6-й Сибирской стрелковой дивизии [17, с. 80]) в г. Хабаровск посетил Командующий

¹ а) Прапорщики запаса, проходившие действительную службу в 1902–1903, 1903–1904, 1905–1906, 1906–1907, 1907–1908, 1908–1909 и 1909–1910 гг. и зачисленные в запас в 1903, 1904, 1906, 1907, 1908, 1909 и 1910 гг. б) Вольноопределяющиеся и охотники 1-го разряда по образованию, зачисленные в запас в 1903, 1904, 1909 и 1910 гг. в) Жеребьёвые 1-го разряда по образованию, срока службы 1899, 1900, 1901, 1902, 1903, 1904, 1905 и 1906 гг. Продолжительность сборов 6 недель. г) Нижние чины запаса пехоты, полевой и крепостной артиллерии и инженерных войск, сроков службы 1904 и 1905 гг. Продолжительность сборов 4 недели. д) Ратники государственного ополчения, зачисленные в таковое при призыве к отбыванию воинской повинности в 1910 г. Продолжительность сборов 4 недели [8, прил. 1 (Отчёт ГУГШ за 1911 г.), с. 17].

войсками Приамурского военного округа генерал-лейтенант П.А. Лецицкий. «Ратники сведены в 2 роты. – Писал он в приказе войскам округа. – Занимались ротным учением. Строевой вид очень хороший. Ходят хорошо, соблюдая вполне строевую выправку, равнение и ногу держат, построения и перестроения ротных колонн исполняют спокойно и правильно. В общем, ратники ополчения после одного месяца их строевого обучения не уступят уже некоторым ротам полков, что указывает на их особенное старание к службе и на хорошую строевую их подготовку кадрам от 24 Сиб. стр. полка. От лица службы благодарю ротных командиров Штабс-Капитанов Руднева и Ярослава и учителей – нижних чинов; молодцам ратникам – спасибо» (ГАХК. Ф. Р-768. Оп. 2. Д. 7. Л. 104–105). Таким образом, в 1912 г. в Приамурском военном округе учебные сборы прошло население трёх последних возрастов. Аналогичные занятия происходили в этом году и на большей части территории империи¹ [9, прил. 2 (Отчёт ГУГШ за 1912 г.), с. 18].

Следующие учебные сборы в войсках округа предполагалось провести в 1914 г. Причём в этом году на сборы собирались призвать не только нижних чинов запаса, но также прапорщиков запаса, вольноопределяющихся и ратников 1-го разряда Государственного ополчения. Сначала, из телеграммы № 589 начальника Мобилизационного отдела ГУГШ в округе узнали, что 12 марта 1914 г., последовало Высочайшее повеление призвать в текущем году прапорщиков запаса и нижних чинов 1-го разряда, по образованию. В первый учебный сбор – прапорщиков запаса, проходивших действительную службу в войсках в 1913 г.; вольноопределяющихся и охотников 1-го разряда по образованию, проходивших действительную службу в 1912–1913 гг. и зачисленных в запас в 1913 г.; жеребьёвых 1-го разряда по образованию срока службы 1909 г. Во второй – прапорщиков запаса проходивших действительную службу в 1906 и 1907 гг. и зачисленных в запас в 1907 г.; вольноопределяющихся и охотников 1-го разряда по образованию, зачисленных в запас в 1907 г.; жеребьёвых 1-го разряда по образованию срока службы 1907 г. В третий – прапорщиков запаса, не явившихся в учебные сборы прошлых лет и не пользующихся правом на освобождение. (Право на освобождение определялось цитированным выше ПВВ № 479 от 7 сентября 1907 г. и касалось тех, кто был призван и прослужил в армии во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. или уже после её окончания). Последние, если они не отбыли первый учебный сбор, обязательно должны были отбыть сбор с теми, кто отбывает в этот раз именно первый учебный сбор; кто не отбыл второй – с теми, кто отбывает второй; кто не отбыл третий – с теми, кто отбывает третий. Продолжительность сборов определили: для прапорщиков запаса 8 недель и для нижних чинов 1-го разряда по образованию – 6 недель.

22 марта 1914 г. в приказе войскам Приамурского военного округа, последовали более конкретные указания. Примечательно, что для ведения занятий предполагалось использовать нормативно-правовую базу ещё 1890 г.: «Правила для учебных сборов прапорщиков запаса произ-

¹ В 1912 г. были призваны: «а) часть прапорщиков запаса, а также вольноопределяющихся, охотников и жеребьёвых 1-го разряда по образованию, согласно существующего порядка привлечения их в учебные сборы; продолжительность сборов 5 недель; б) нижние чины запаса пехоты, артиллерии и инженерных войск, сроков службы 1905 и 1907 годов; продолжительность сборов 4 недели, за исключением нижних чинов запаса пехоты в Петербургском и Виленском военных округах, где продолжительность учебных сборов была в 6 недель, при чём в означенных округах запасные нижние чины пехоты впервые были привлечены к участию в подвижных сборах и манёврах войск; в) ратники по всей Империи, исключая Омского военного округа и Привислянского края, зачисленные в ополчение в 1909 и 1911 гг.; продолжительность сборов 4 недели...» [9, прил. 2 (Отчёт ГУГШ за 1912 г.), с. 18].

ведённых в этот чин согласно приказа по воен. вед. 1886 г. № 55. Организация этих сборов в 1890 г.» (ПВВ № 66 от 10 марта 1890 г.; ГАХК. НСБ. Приказ войскам Приамурского военного округа № 183 от 22 марта 1914 г. Ед. хр. 1531.). Перед окончанием сбора начальники дивизий, командиры артиллерийских бригад, начальник инженерного сбора и начальник военных сообщений, «по принадлежности» должны были произвести испытание прапорщиков запаса. Испытания вольноопределяющихся 1-го разряда проводились комиссиями под председательством командиров частей. Отчёты о проведении сборов и итоговых испытаниях следовало представить в штаб округа не позже 1 октября. К приказу были приложены «Распределение № 1 прапорщиков запаса, подлежащих явке в учебный сбор в 1914 г., по частям войск с указанием продолжительности сборов» и «Распределение № 2 вольноопределяющихся 1-го разряда по образованию, подлежащих явке в учебный сбор 1914 г. по частям войск.

Общее количество людей было не велико – всего 36 прапорщиков¹ и 34 вольноопределяющихся² на весь округ, но показателен уже сам факт их призыва (ГАХК. НСБ. Приказ войскам Приамурского военного округа № 183 от 22 марта 1914 г. Ед. хр. 1531). Правда, 28 апреля в этот список пришлось дополнить ещё восемь вольноопределяющимися 1-го разряда, состоящими на учёте в районе коменданта г. Харбин, о которых вначале просто забыли. Количество призываемых на сборы вольноопределяющихся возросло до 42, но заметно порядок цифр это не меняло (ГАХК. НСБ. Приказ войскам Приамурского военного округа № 284 от 28 апреля 1914 г. Ед. хр. 1531).

8 апреля Николай II утвердил следующее положение, касавшееся организации учебных сборов, телеграмма с содержанием которого от начальника Мобилизационного отдела ГУГШ была получена в Хабаровске 13 апреля. На её основании 15 апреля 1914 г. Временно Командующий войсками округа генерал от инфантерии Л.Л. Сидорин отдал приказ, в котором просто процитировал содержание Высочайшего повеления: «1. Призвать в текущем году в учебные сборы нижних чинов запаса: пехоты, пулемётчиков, телефонистов, гвардейской и полевой лёгкой, мортирной, горной, тяжёлой, крепостной и береговой артиллерии; инженерных войск: гвардейских и армейских сапёров, понтонёров, телеграфистов, минёр, воздухоплавателей, авиаторов, электромашинистов и искровых телеграфистов; санитаров, хлебопёков и всех прочих нестроевых 41-й категории – сроков службы 1907 и 1909 годов. 2) Продолжительность учебных сборов опередить в *шесть недель*».

Точное время проведения сборов в Приамурском военном округе определял Командующий войсками округа. Поэтому эти сведения, вместе со списком частей, при которых должны были пройти сборы, были разосланы им Окружным штабом. Обучение следовало вести на точном основании правил и инструкций 1909 и 1912 гг. Вся ответственность за обучение была возложена на командиров частей, при которых собирали запасных, а общее наблюдение за правильностью и успешностью занятий – на начальников дивизий и лиц, равных им по власти, в инженерных же войсках – на Инспектора инженерных войск округа. В последние дни занятий было необходимо произвести проверку достигнутых результатов обучения, после чего «объяснительные записки и отчёты об учебных сборах нижних чинов запаса» представить Командующему во-

¹ Пехоты – 24, кавалерии – 2, артиллерии – 8, инженерных войск – 1 и железнодорожных войск – 1.

² Пехоты – 13, артиллерии – 17 и инженерных войск – 4.

йсками округа к 1 октября. **(ГАХК. НСБ. Приказ войскам Приамурского военного округа № 247 от 15 апреля 1914 г. Ед. хр. 1530.)**

Сборы должны были пройти при частях в нескольких крупных гарнизонах Приамурского военного округа. В г. Никольск-Уссурийский запасных должны были обучать при 2-м Сибирском стрелковом генерал-адъютанта графа Муравьева-Амурского полке, 4-м Сибирском стрелковом полке и 1-й Сибирской истровой роте. Поверку занятий должен был осуществлять начальник 1-й Сибирской стрелковой дивизии, в состав которой эти полки входили. На Барановском полигоне занятия должны были проводиться при 1-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригаде, командир которой и должен был осуществлять их поверку, а также при 5-м Сибирском стрелковом полке, где за успешностью обучения предписывалось следить инспектору артиллерии 5-го Сибирского армейского корпуса. Во Владивостокской крепости контроль за занятиями осуществляли: при 1-м Владивостокском крепостном артиллерийском полку – комендант крепости, при 4-м Сибирском мортирном артиллерийском дивизионе – инспектор артиллерии 4-го Сибирского армейского корпуса (корпус целиком располагался на территории Владивостокской крепости [18, с. 279, 361]), при 35-м и 36-м Сибирских стрелковых полках и 9-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригаде – начальник 9-й Сибирской стрелковой дивизии (поскольку эти части и бригада дислоцировались на Русском острове [18, с. 83, 202]), при Владивостокских крепостных минном и сапёрном батальонах и Владивостокской местной станции искрового телеграфа – начальник Владивостокской крепостной сапёрной бригады. В Хабаровске, контроль за занятиями осуществляли: при 22-м Сибирском стрелковом полке и 6-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригаде – начальник 6-й Сибирской стрелковой дивизии (полк входил в состав дивизии, а бригада находилась в её оперативном подчинении [18, с. 80, 196]). В Благовещенске контроль за занятиями осуществляли при 37-м и 38-м Сибирских стрелковых полках и 10-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригаде – начальник 10-й Сибирской стрелковой дивизии (полк входил в состав дивизии, а бригада находилась в её оперативном подчинении [18, с. 84, 203]). В крепости Николаевск контроль за занятиями осуществляли: при 40-м Сибирском стрелковом полке, вылазочном взводе Николаевской крепостной артиллерии, Николаевской крепостной телеграфной роте и Амурской минной роте – комендант Николаевской крепости. При Штабе графа Муравьева-Амурского контроль за занятиями осуществляли: при 7-м Сибирском сапёрном батальоне и 1-м Сибирском понтонном батальоне – начальник специально-инженерного сбора, при 3-м (горном) дивизионе 6-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады – командир 6-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады, при 4-м батальоне 23-го Сибирского стрелкового полка – командир 23-го Сибирского стрелкового полка. В с. Спасское обучение запасных предполагалось при Сибирской воздухоплавательной роте, а поверку занятий должен был произвести начальник Спасского гарнизона **(ГАХК. НСБ. Сведение о поверке занятий с запасными, отбывающими учебные сборы при частях войск Приамурского военного округа в 1914 г. Прил. к Приказу войскам Приамурского военного округа № 247 от 15 апреля 1914 г. Ед. хр. 1530).**

Более того, в начале июля 1914 г. в штабе округа получили очередную телеграмму из ГУГШ, сообщавшую, что «в этом же году надлежит призвать в 4-х недельный сбор ратников ополчения 1-го разряда, состоящих на особом учёте комендантов станций Китайской Восточной железной дороги и на учёте коменданта города Харбина, записанных в ополчение в 1911 и 1913 годах». На этом основании Командующий во-

йсками округа П.А. Лечицкий распорядился провести учебный сбор с 1 по 28 августа при 2-м Сибирском стрелковом полке (г. Никольск-Уссурийский). Обучение вести на основании временных правил, обнародованных 19 мая 1914 г. Общее наблюдение за правильностью и успешностью занятий возлагалось на командира 1-й бригады 1-й Сибирской стрелковой дивизии (в её состав входил полк), который в последние дни занятий должен был провести поверку достигнутых результатов обучения. Санитарный надзор в пункте сбора ратников возложили на одного из врачей 2 Сибирского полка (назначался распоряжением командира полка). «Цифровой отчёт об учебном сборе ратников с объяснительной запиской» надлежало представить П.А. Лечицкому к 1 октября (ГАХК. НСБ. Приказ войскам Приамурского военного округа № 446 от 10 июля 1914 г. Ед. хр. 1531).

К сожалению, точных данных о том, успели ли провести хотя бы какие-то из сборов 1914 г. до начала Первой мировой войны, и если да, то с каким результатом, на данный момент обнаружить не удалось. В любом случае, на общую готовность страны к войне это уже не влияло. Близкие системы существовали в армиях Германии [4, с. 9–10] и Австро-Венгрии [3, с. 1, 3–4]. Разница же в подготовке обученного запаса армии между Российской, Австро-Венгерской и Германской империями была не сколько в нормативно-правовой базе, очень похожей по своей сути, столько в её реализации на практике. И здесь на первое место как раз выходили географические и социально-экономические факторы. В Германии, с населением этнически более однородным и лучше образованным, высоким уровнем развития транспортной инфраструктуры и сравнительно небольшой территорией, эта система почти не допускала «изъятий» и работала как часы. В Австро-Венгерской и Российской империях, с их большими территориями и значительно более слабым развитием транспортной инфраструктуры, полиэтничным населением разного культурного и образовательного уровня, система хотя и была устроена примерно так же, но имела множество исключений, «изъятий» и поправок на местные условия. Поэтому и функционировала она на разных территориях империй по-разному (на некоторых – не функционировала вообще), что давало в совокупности более слабые результаты как по количеству, так и по качеству обученного запаса армии. Последнее ярко проявилось уже на полях Первой мировой войны, положившей конец существованию этих трёх империй.

Литература

1. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в начале XX века. М.: Наука, 1986. 238 с.
2. Военная энциклопедия. Т. 10. СПб.: Т-во И.Д. Сытина, 1912. 642 с.
3. Вооружённые силы Австро-Венгрии. Ч. 1. Организация, мобилизация и состав вооружённых сил. (По данным на 1 января 1912 г.). СПб.: Военная типография, 1912. 343 с.
4. Вооружённые силы Германии. По данным на 1 мая 1907 г. Издание ГУТШ (По части 2-го обер-квартирмейстера). СПб.: Военная типография, 1907. 178 с.

5. Всеподданнейший отчёт Военного министерства за 1908 г. СПб.: Военная типография, 1910. 143 с., прил.
6. Всеподданнейший отчёт Военного министерства за 1909 г. СПб.: Военная типография, 1911. 108 с., прил.
7. Всеподданнейший отчёт Военного министерства за 1910 г. СПб.: Военная типография, 1912. 89 с., прил.
8. Всеподданнейший отчёт Военного министерства за 1911 г. СПб.: Военная типография, 1913. 67 с., прил.
9. Всеподданнейший отчёт Военного министерства за 1912 г. СПб.: Военная типография, 1916. 63 с., прил.
10. Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. М.: Кучково поле, 2001. 440 с.
11. Зайончковский А.М. Подготовка России к империалистической войне. М.: Воениздат, 1926. 425 с.
12. Керсновский А.А. История русской армии. Т. 3. (1881–1915 гг.). М.: Голос, 1994. 352 с.
13. Марков О.Д. Русская армия 1914–1917 гг. СПб.: Галлея Принт, 2001. 160 с.
14. Петренко В.М. Становление и развитие системы территориальных органов военного управления на Дальнем Востоке во второй половине XIX–начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2009. 216 с.
15. Полное Собрание законов Российской Империи (ПСЗ РИ). Собрание второе (II): в 55 т. СПб.: Тип. II отделения собственной ЕИВ Канцелярии, 1850–1881. Т. 49.
16. ПСЗ РИ III: в 33 т. СПб.: Тип. II отделения собственной ЕИВ Канцелярии, 1881–1913. Т. 29, 32.
17. Росписание сухопутных войск. Исправленное по сведениям к 1 января 1912 г. СПб.: Военная типография, 1912. 578 с.
18. Росписание сухопутных войск. Исправленное по 1 сентября 1914 г. СПб.: Военная типография, 1914. 578 с.
19. Шацилло К.Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика. М.: РОССПЭН, 2000. 399 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 Система Б

1. Beskrovnyj L.G. Russkaya armiya i flot v nachale XX veka. M.: Nauka, 1986. 238 s.
2. Voennaya ehntsiklopediya. T. 10. SPb.: T-vo I.D. Sytina, 1912. 642 s.
3. Vooruzhyonnye sily Avstro-Vengrii. CH. 1. Organizatsiya, mobilizatsiya i sostav vooruzhyonnykh sil. (Po dannym na 1 yanvarya 1912 g.). SPb.: Voennaya tipografiya, 1912. 343 s.
4. Vooruzhyonnye sily Germanii. Po dannym na 1 maya 1907 g. Izdanie GUGSH (Po chasti 2-go ober-kvartirmejstera). SPb.: Voennaya tipografiya, 1907. 178 s.
5. Vsepoddannejshij otchyot Voennogo ministerstva za 1908 g. SPb.: Voennaya tipografiya, 1910. 143 s., pril.
6. Vsepoddannejshij otchyot Voennogo ministerstva za 1909 g. SPb.: Voennaya tipografiya, 1911. 108 s., pril.
7. Vsepoddannejshij otchyot Voennogo ministerstva za 1910 g. SPb.: Voennaya tipografiya, 1912. 89 s., pril.
8. Vsepoddannejshij otchyot Voennogo ministerstva za 1911 g. SPb.: Voennaya tipografiya, 1913. 67 s., pril.
9. Vsepoddannejshij otchyot Voennogo ministerstva za 1912 g. SPb.: Voennaya tipografiya, 1916. 63 s., pril.
10. Golovin N.N. Voennye usiliya Rossii v Mirovoj vojne. M.: Kuchkovo pole, 2001. 440 s.

11. Zajonchkovskij A.M. Podgotovka Rossii k imperialisticheskoj vojne. M.: Voenizdat, 1926. 425 s.
12. Kersnovskij A.A. Istoriya russkoj armii. T. 3. (1881–1915 gg.). M.: Golos, 1994. 352 s.
13. Markov O.D. Russkaya armiya 1914–1917 gg. SPb.: Galleya Print, 2001. 160 s.
14. Petrenko V.M. Stanovlenie i razvitie sistemy territorial'nykh organov voennogo upravleniya na Dal'nem Vostoke vo vtoroj polovine XIX–nachale XX vv.: dis. ... kand. ist. nauk. Khabarovsk, 2009. 216 s.
15. Polnoe Sobranie zakonov Rossijskoj Imperii (PSZ RI). Sobranie vtoroe (II): v 55 t. SPb.: Tip. II otdeleniya sobstvennoj EIV Kantselyarii, 1850–1881. T. 49.
16. PSZ RI III: v 33 t. SPb.: Tip. II otdeleniya sobstvennoj EIV Kantselyarii, 1881–1913. T. 29, 32.
17. Rospisanie sukhoputnykh vojsk. Ispravlennoe po svedeniyam k 1 yanvarya 1912 g. SPb.: Voennaya tipografiya, 1912. 578 s.
18. Rospisanie sukhoputnykh vojsk. Ispravlennoe po 1 sentyabrya 1914 g. SPb.: Voennaya tipografiya, 1914. 578 s.
19. SHatsillo K.F. Ot Portsmutskogo mira k Pervoj mirovoj vojne. Generaly i politika. M.: ROSSPEHN, 2000. 399 s.